

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpiska@eot.su

11 мая 2016 г.

№177

Оглавление

Колонка главного редактора	4
О коммунизме и марксизме — 45	5
Метафизическая война	24
Судьба гуманизма в XXI столетии	25

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
Классическая война	52
Трудный путь к Победе	53
Диффузные сепаратистские войны	79
Паноптикум регионалистов и сепаратистов — 3. О сторонниках Майдана на Северо- Западе России	80
Культурная война	94
Десоветизация живописи — XI	95
Размышления читателей о статьях га- зеты	112
Почему индивидуалистическое мировоз- зрение мешает развитию человека?	113

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	3
Судьба мифа об Орфее и Эвридике как судьба человечества	123
Бесконечное упрощение	131

Колонка главного редактора

О коммунизме и марксизме — 45

Солон пытался откупиться от простого народа, кинув ему обглоданную политическую кость, она же — некий минимум политических возможностей

Томсону нужно сослаться на определённые авторитеты для того, чтобы его модель афинской древней демократической революции не оценивалась научным сообществом как чересчур экзотическая. Одним из таких авторитетов является сэр Фрэнк Эзра Эдкок (1886–1968). Эдкок — известный английский историк, специалист по Древней Греции и Древнему Риму. Он

был профессором древней истории Кембриджского университета с 1925 по 1951 годы.

Интересно, что во время двух мировых войн Эдкок был одним из авторитетных шифровальщиков-криптографов.

Во время Первой мировой войны он работал шифровальщиком в знаменитой «Комнате 40» (подразделение Британского Адмиралтейства, расшифровавшим в годы Первой мировой войны около 15-ти тысяч немецких шифрованных сообщений).

Во время Второй мировой войны Эдкок занимался тем же самым в организации под названием Блетчли-Парк, известной также как Station X. Там располагалось главное шифровальное подразделение Великобритании — Правительственная школа кодов и шифров. В ней взламывали шифры и коды нацистской Германии и её союзников, в том числе коды знаменитой шифровальной машины «Энигма», созданной в 1918 году для защиты банковских операций и взятой впо-

следствии на вооружение вермахтом.

То, что Эдкок профессионально занимался и античной историей, и криптографией, — не случайно. Да, профессионалы, совмещающие две такие деятельности, в мире наперечёт. Но британская стратегическая разведка всегда стремилась заполучить для тех или иных своих занятий выдающихся специалистов по античности. Эдкок британские разведчики заполучили в качестве такового, приспособив его к занятиям криптографией, которые всегда представляют собой некий вариант герменевтики — прочтения текстов, требующих тех или иных специальных методов расшифровки.

Фрэнк Эдкок

Никакой эзотерический текст без подобной расшифровки не прочтёшь. Потому что при буквальном прочтении неминуемо попадёшь впросак. Поэтому древние тексты определённого типа всегда читаются специалистами, отдающими себе отчёт в том, что надо подбирать специальные коды для правильного прочтения. Использовать таких специалистов для расшифровки кодированных сообщений противника достаточно легко. Особенно если специалисты проявляют такую гибкость ума, какую проявил Эдкок.

Другого специалиста по античности — Арнольда Тойнби — британская стратегическая разведка привлекла для создания определённых моделей, с помощью которых можно предсказывать характер стратегических процессов, протекающих в различных обществах, и управлять этими процессами.

Перечисление привлекаемых в британскую разведку специалистов по античности можно было бы продолжить. Но пора вернуться к Эдкоку,

на которого ссылается Томсон для подтверждения той своей модели, которую мы обсуждаем.

Эдкок, анализируя двойственность реформ Солона, заявляет следующее: *«Сущность введённых им ограничений для народного собрания состояла в том, чтобы держать администрацию и инициативу в политике в руках состоятельных или средних классов. Верно, что простые люди после многих лет аристократического правления были политически необразованными и честолюбивые лидеры могли их легко обманывать, но поэмы Солона показывают, что он хорошо сознавал опасности, связанные с их стихийными надеждами. Однако альтернатива — отказать простым людям вовсе в политической власти — была бы ещё большим злом и ещё более опасным делом, и Солон мог надеяться на то, что новый экономический порядок сделает бедных афинян слишком занятыми или слишком удовлетворёнными, чтобы прибегать к раздорам».*

Эдкок считает, что Солон пытался откупиться от простого народа, кинув ему обглоданную политическую кость, она же — некий минимум политических возможностей, и что Солон надеялся на то, что *«получив незначительную власть, которой ему будет достаточно, народ не сможет быть введён в заблуждение, стремясь к большему»*.

Оправдывая Солона, Эдкок утверждал, что *«как политика, так и справедливость требовали, чтобы, если они (бедные люди — С. К.) фактически не управляли, то они должны были быть защищены от плохого управления и несправедливости»*.

Процитировав Эдкока, Томсон констатирует, что надежды Солона в том виде, в каком их описывает Эдкок, были обмануты. И что *«в последующие годы бедные афиняне быстро приобрели достаточную осведомлённость в политических делах»*. Как минимум, утверждает Томсон, у бедных людей, являвшихся гражданами то-

гдашних Афин, этой осведомлённости в политических делах было достаточно для того, «чтобы понять, что единственный путь, благодаря которому они могли оградить себя от плохого управления и несправедливости, состоял в том, чтобы управлять самим».

Но что значит «управлять самим»? Это значит, организовываться в некоторые партии. Тогдашние афинские партии достаточно подробно описывает Аристотель, этот высший авторитет в вопросах древнегреческой политики. Аристотель сообщает, что «этих партий было три: одна паралийцев с Мегаклом, сыном Алкмеона, во главе, которые, по-видимому, преимущественно добивались среднего образа правления; другая — педиаков, которые стремились к олигархии, ими предводительствовал Ликург; третья — диакрийцев, во главе которой стоял Писистрат, казавшийся величайшим приверженцем демократии. К этим последним примкнули, с одной стороны, те, которые лиши-

лись денег, отданных взаймы, ввиду стеснённого положения, с другой — люди нечистого происхождения вследствие страха. Это видно из того, что после низвержения тиранов афиняне произвели пересмотр гражданских списков, так как многие пользовались гражданскими правами противозаконно. Все эти партии имели прозвания по тем местам, где они обрабатывали землю».

Вначале сообщу читателю сведения, необходимые для того, чтобы расшифровать до конца приведённый выше текст Аристотеля.

Паралийцы или паралии — это «прибрежные», то есть те, кто располагал определёнными возможностями на прибрежных территориях.

Педиаки или педиеи — это «равнинные», то есть те, чьи возможности связаны с равниной, но не прибрежной частью афинского государства.

И, наконец, диакрийцы или диакрии — это «горные», то есть те, чьи возможности и интере-

сы сосредоточены на территориях, находящихся в горных районах.

Кто такой упоминаемый Аристотелем Мегакл, сын Алкмеона, глава рода Алкмеонидов?

Алкмеониды — это представители одного из афинских знатных родов. Они возводили своё происхождение к Алкмеону, персонажу древнегреческой мифологии, правнуку того Нестора, который был легендарным царём Пилоса, древнего пелопонесского города, входившего в число крупных городов Микенской эпохи (1700–1200 г. г. до н. э.). Пилос был разрушен легендарным Гераклом, который, подчинив себе Пилос, отдал его под временную власть Нестора, убеждавшего своего отца Нелея, отказавшегося очищать Геракла от скверны, дать согласие на подобное очищение. В благодарность за такую позицию Геракл отдал Пилос во временное управление этому самому Нестору.

Нестор — один из важнейших участников Троянской войны. Он привёл под Троию огром-

ный флот (по одним источникам — 90 кораблей, по другим — 40). И «Илиада», и «Одиссея» характеризуют Нестора как мудреца, который, несмотря на глубокую старость, отличался храбростью и неутомимостью. Такова легенда.

Если же переходить от легенды к каким-то историческим фактам, то они состоят в том, что правнук Нестора Алкмеон, спасаясь от дорийского нашествия вместе с другими ионийцами (контролировавшими большую часть Греции до дорийцев), переселился в Аттику, то есть на юго-восток Центральной Греции, туда, где расположено соединительное звено между Балканским полуостровом и архипелагом. Административным центром Аттики всегда являлись Афины. Они являются им и сейчас.

Карта Аттики и Мегары в IX веке до н.э. 1975 г.

Таким образом, Алкмеон — это ещё один иониец, который спасается от дорийцев и оказывается в Афинах. А поскольку он представляет собой древний род, основатель которого является одним из важнейших участников Троянской войны, то по своим родовым характеристикам Алкмеон является эвпатридом (буквально — пред-

ставителем древнейшего рода). Это распространяется на всех представителей рода Алкмеона, то бишь Алкмеонидов.

Необходимо оговорить, что Алкмеониды запятнали себя бесчестьем в 640 году до нашей эры, когда подавляли так называемую Килонову смуту — по-видимому, самую раннюю попытку установления тирании в Афинах.

Итак, Килонова смута — это попытка установления тирании Килоном. А Килонова скверна — это грех, который лёг на афинский род Алкмеонидов из-за расправы с Килоном и другими участниками Килоновой смуты.

Килон принадлежал к знатному роду. Он был женат на дочери тирана города Мегары Феагена.

Мегары — это довольно известный древнегреческий город, расположенный к северо-западу от Афин. В этом городе тирания установилась раньше, чем в Афинах. И мегарский тиран (напомним, что тирания для обсуждаемого нами Томсона — это не зло, а переходный

этап от олигархии к демократии) обещал Килону помощь в установлении афинской тирании. Килон польстился на это. Помимо прочего, он был известен как один из победителей в Олимпийских играх 640 года до нашей эры. Ориентируясь на свою популярность, обещанные войска Феагена и предсказания знаменитого дельфийского оракула, Килон, возглавив посланные ему мегарские войска, захватил Акрополь. Вскоре выяснилось, что никакой поддержки афинян Килон не получает, что афиняне, напротив, — собрали против Килона армию, возглавляемую представителями рода Алкмеонидов, и осадили Акрополь.

Оказавшиеся в осаде войска Килона были обречены на голодную смерть. Руководивший осадой представитель рода Алкмеонидов Мегакл пообещал килоновым войскам, что в случае, если они покинут Акрополь, им придётся предстать перед судом, что будет учтено их нахождение у алтарей, где они просили защиты. Но как только

килоново войско покинуло Акрополь, оно было беспощадно перебито. Причём соратников Килона убивали даже прямо у алтарей, что было не принято. Сам Килон со своим братом успел бежать.

Алкмеонидам было выдвинуто обвинение в святотатственном убийстве людей, искавших убежища у алтаря богов. В момент выдвижения это обвинение было не слишком серьёзным или, по крайней мере, казалось таковым. Но через полтора века, во времена, обсуждаемые Аристотелем в тексте, который был приведён выше, эти обвинения стали важным фактором политической жизни Афин.

Мы уже установили, что сторонники того Мегакла, которого обсуждает Аристотель, во-первых, добивались некоего среднего, то есть либерально-аристократического правления, и, во-вторых, принадлежали к тем афинянам, которые были наиболее тесно связаны с прибрежными территориями.

Что такое эти прибрежные территории? Это так называемая «паралия», включающая в себя всю приморскую часть Аттики, кроме её самого южного берега. Береговая партия, дислоцированная в пределах паралии, состояла из крупных и мелких купцов. Томсон сообщает нам, что некоторые из этих купцов *«как мы можем предполагать, скупили себе земельные участки возле моря, с тем чтобы производить вино и масло на экспорт»*. А некоторые из купцов, по мнению Томсона, *«на своих небольших судах вели торговлю кратчайшим путём с Эвбеей (крупнейшим после Крита островом Греции в Эгейском море — С. К.) и Эгиной (в древности очень важным островом в заливе Сароникос — крупнейшем заливе Эгейского моря — С. К.)»*.

Таковы минимальные данные о первой из обсуждаемых Аристотелем партий.

Что касается второй партии, собственно олигархической, то, как сказано выше, она была представлена сторонниками некоего Ликурга.

Имеется в виду Ликург — сын Аристолида, афинский политик первой половины VI века до нашей эры, принадлежавший к роду Этеобутадов, не путать с другими Ликургами.

Сторонники данного Ликурга ориентировались: а) на олигархическое правление и б) на поддержку равнинных, но не прибрежных территорий.

Несколько слов об этих территориях.

Имеются в виду крупные землевладения, расположенные в долинах, находящихся к северу от Афин, а также на Фриасийской равнине, расположенной к северо-востоку от Элевсина, находящегося рядом с Афинами (в 20-ти километрах от города). Элевсинский район всегда был достаточно плодородным. Недаром именно в этом районе особо процветал культ богини плодородия Деметры.

Обсуждая интересующего нас лидера афинских олигархов Ликурга и его партию, следует также оговорить, что род Этеобутадов, к которо-

му принадлежит этот Ликург, — очень известен. Что он вместе с менее известным родом Праксигидов принадлежал к жреческой аристократии Афин. Причём, именно к той её части, которая отправляла культ Афины на Акрополе.

И, наконец, о третьей партии. Аристотель утверждает, что она состояла из сторонников Писистрата, «казавшегося величайшим приверженцем демократии». Писистрата мы уже обсуждали подробно.

Что же касается его сторонников, то в связи с неопределённостью в этом вопросе Томсон вновь вынужден обратиться к Эдкоку, правда, лишь с тем, чтобы отстроить свою линию в этом вопросе. Томсон сообщает нам, что Эдкок определил сторонников партии Писистрата следующим образом: *«горная страна (Диакрия) не знала ни земледельческого процветания Равнин, ни коммерческого прогресса Побережья. Здесь, в извилистых узких долинах, жили пастухи овец и коровьих стад и мелкие арендаторы, сре-*

ди них, без сомнения, было много таких людей, которым Солон возвратил свободу, но не дал земли. В Писистрате они нашли вождя, который был в состоянии добиться выполнения их требований и смог завоевать их любовь настолько, что они твёрдо стояли за него даже при его падении и изгнании».

Приведя это мнение авторитетного для него Эдкока, Томсон оппонирует данному историку, утверждая, что «с такими последователями независимо от их преданности ему Писистрат мог сделаться Роб Роем (национальный герой Шотландии, герой романа Вальтера Скотта, разбойник, которого называют шотландским Робин Гудом — С. К.), а не правителем Афин». Иначе говоря, Томсон утверждает, что Писистрат опёрся вовсе не на горных малоимущих пастухов и мелких арендаторов, а на другие группы. Какие?

(Продолжение следует.)

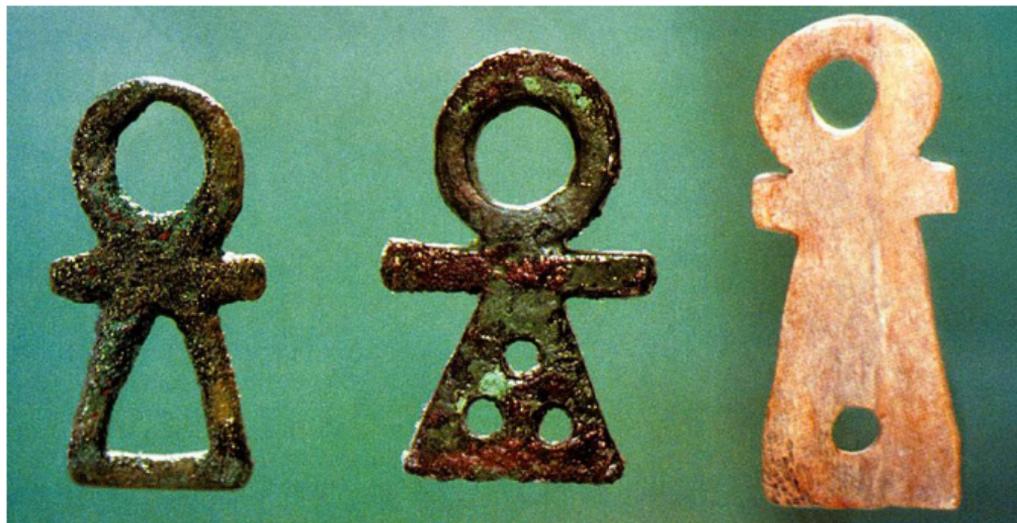
Метафизическая война

Судьба гуманизма в XXI столетии

Цивилизации меняли свой облик. Но, приобретая новый облик, они сохраняли внутри себя некие каверны. И в этих кавернах продолжало существовать нечто, поразительным образом сохраняющее свой надревнейший эзотерический облик

Эдвард Коли Бёрн-Джонс. Сад Гесперид.
Около 1869–1893 гг.

Подвески в виде знака богини Танит, найденные в Ашкелоне, Израиль

Ох уж эти яблоки Гесперид! К кому, по преданию, обратилась Дидона-Элисса за помощью в создании Карфагена? Или, точнее, зачатка Карфагена — кремля Бирсу? Того самого Бирсу, который сначала был построен с согласия местного царя Иарбанта... Потом был сожжён этим же Иарбантом, потому что его отвергла Дидона... Потом был восстановлен в качестве внутренней части Карфагена...

Дидона-Элисса, по преданию, обратилась за помощью в осуществлении данного начинания к массалийским жрицам-волшебницам.

Пунийцы, то есть жители древнего Карфагена, основанного Дидоной (вспомним, что войны между Римом и Карфагеном именовались пуническими), были убеждены, что именно массалийские жрицы охраняли золотые яблоки Гесперид. Причём, пунийцы иногда размещали сады Гесперид у себя поблизости, а иногда — на неких Островах Блаженных в Атлантике. И всё равно золотые яблоки, согласно пунийским верованиям, охраняли именно массалийские (то есть коренные ливийские, то есть тесно связанные с Нейт) жрицы-волшебницы.

Но вернёмся к Массалии, гражданин которой Пифей впервые сообщил своим современникам нечто внятное по поводу интересующего нас острова Туле.

Массалия существовала до фокейцев, конечно же, способствовавших бурному росту этого

поселения. Она до их появления была связана с Карфагеном, который особым образом относился к племени массалийцев, на территории которого возник. Налицо очень непростая последовательность: массалийцы — карфагеняне — тартессы — фокейцы.

Будучи последним звеном этой последовательности, фокейцы отдавали себе отчёт в том, что укореняются в очень непростом месте, имеющем вышеописанную традицию. Кстати, они не стали сильно ссориться с карфагенянами, не разрушили в их поселении ни одного здания (в дальнейшем совокупность этих неразрушенных зданий стала называться карфагенским кварталом или городом в городе). Фокейцы прекрасно владели искусством политического манёвра и вовсе не стремились сохранить верность своим тартесским союзникам в ситуации, когда их начали одолевать карфагеняне (а это вскоре последовало). В этой ситуации, фокейцы очень мягко уступили карфагенянам некие возможности

по контролю над Массалией, в которой укоренились.

Даже во времена Пифея в Массалии молились финикийским богам. А административные и судебские обязанности исполняли карфагенские чиновники-суффеты, аналогичные тем консулам, которых позже будет назначать в завоёванных провинциях Древний Рим.

Фокейцы до определённого времени кланялись и карфагенским чиновникам-суффетам, и карфагенским жрецам. В том числе и жрецам богини Танит, она же — Анат, она же — Нейт.

Обращаю внимание читателя на то, что древние божества Средиземноморья в принципе обладают свойствами, позволяющими, называя одно имя бога или богини, сразу же сказать «он же/она же» и поставить другое имя. Но в случае обсуждённой выше цепочки Танит-Анат-Нейт речь идёт не просто о том, чтобы отдать дань подобного рода свойствам. Для построения цепочки есть дополнительные основания. Потому что

древняя Ливия с её Нейт начинает, в силу финикийского исхода на территорию этой Ливии, плотно переплетаться с Карфагеном, а значит, и Финикией. А значит, и боги/богини тоже начинают переплетаться подобным образом, образуя более прочный сплав, нежели это свойственно божествам Средиземноморья в целом.

Я не стал бы обращать внимание читателя на подобные кросскультурные и кроссрелигиозные совпадения, если бы эти совпадения не имели самого прямого отношения к той «эзотерике Туле», которая сформировалась до нацизма, насытила собой нацизм и продолжает насыщать собой нацистских последователей.

Ради обнаружения некоего чрева, которое выносило страшного нацистского гада и продолжает вынашивать его последышей, мы обсуждаем и тибетскую тему, и тему «эзотерики Туле», и все те кросскультурные и кроссрелигиозные совпадения, которые важны, только если их тень ложится на ту метафизическую область, в ко-

торой размещено чрево, эту самую коварную область нацистского Чёрного солнца.

Но неужели есть что-то общее между чревом, породившим нацизм, и цепочками богинь с семитскими или ливийскими именами? Ведь нацизм, порождённый этим чревом, гордился тем, что он, во-первых, ориентирован на мужское начало, а во-вторых, чурается всего, что имеет отношение к началу семитскому.

Да, действительно, именно так позиционировала себя нацистская экзотерика, послание, адресованное тогдашнему немецкому «пиплу», который должен был «схватить» разного рода неомифологемы, согласно которым герой нацизма — это белокурый мужчина-воин, подлинный ариец, поклоняющийся благу арийскому началу и яростно истребляющий злое семитское начало.

Но мы-то рассматриваем не нацистскую экзотерику (адресованную нацистским простолюдинам, они же — «пипл»), а нацистскую

эзотерику (адресованную нацистской элите, презирующей свой «пипл» ничуть не меньше, чем «пипл» чужой).

Для перевозбуждённых поклонников нацистской эзотерики такое противопоставление ей нацистской же эзотерики — кощунственно. И, естественно, все такие поклонники, а также те, кто к ним примыкают, начнут вопить как оглашённые: «А кто вам сказал, что такое противопоставление есть?» Что ж, давайте разбираться, задавая такие вопросы, на которые не могут не дать внятного ответа поклонники этого самого нацизма во всех его вариантах.

Вопрос № 1. Было ли «Аненербе» (Ahnenerbe — «Наследие предков», полное название — «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков»), обсуждаемое нами в связке с Чёрным орденом СС, частью государственного аппарата Третьего Рейха? Причём, именно той частью этого аппарата, которая должна была обеспечивать

окультурно-идеологическое функционирование всего аппарата?

Да, это безусловно так. С 1935 по 1945 годы «Аненербе» выступало именно в этой роли. И находилось под прямой опекой рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера.

Вопрос № 2. Являлся ли голландско-немецкий учёный и мистик Герман Вирт (1885–1981) первым руководителем «Аненербе»?

Да, Герман Вирт являлся первым руководителем «Аненербе». Как говорят в таких случаях — из песни слов не выкинешь. Впрочем, поклонники нацизма и не хотят выкидывать эти слова про Вирта из своей нацистской песни про «Аненербе».

Вопрос № 3. Чем являлась для Германа Вирта «Хроника Ура-Линда», она же — «Оэра Линда», эта фальшивка, сооружённая в XIX веке и выдаваемая за фризский исторический мифологический и религиозный текст? (Напоминаю, что фризы —

этнос, являющийся сейчас национальным меньшинством на территории Нидерландов и Германии, считающийся древним носителем германского духа, и что Вирт считал себя настоящим древним фризом).

Ответ опять-таки однозначен. Для Германа Вирта «Хроника Ура-Линда» была священным всеобъемлющим текстом, подлинным откровением, посланным человечеству великими посвящёнными, той единственной книгой, на которую следует ориентироваться нацистской элите, коль скоро она хочет осуществить великое преобразование человечества.

А теперь вопрос № 4 — как говорят в таких случаях, вопрос на засыпку. Призывал ли Герман Вирт, ориентируясь на глубокое герменевтическое прочтение великой «Хроники Ура-Линда», поклоняться богине Танит?

Представьте себе, призывал. Прекрасно понимал, что речь идёт о матриархальной богине, богине сугубо семитской. И, создавая эзотери-

ку «Аненербе», она же — эзотерика нацизма, призывал ориентироваться на данное семитское матриархальное божество. А вовсе не на арийского воинственного бога — покровителя арийских германцев.

Вдохновляемые Виртом элитные эсэсовцы из «Аненербе», гордясь своим отличием от обычных эсэсовцев, и уж тем более, от плебеев из какой-нибудь там ваффен СС, сознавали, что скрыто, эзотерически поклоняются совсем не тому, чему призывает поклоняться нацистская экзотерика, ориентированная на разного рода оголтелых плебеев.

Герман Вирт утверждал, что пуническая Тани́т — это на самом деле берберское божество (вот мы и вышли вновь на тему ливийского жречества, североафриканского нумидийского племени массалиев, восхищавшего карфагенян, обращавшихся к жрицам этого племени за советами).

Нумидией называлась в древности северная

часть современного Туниса и Алжира. Населяли её, прежде всего, те самые массалии, которых мы уже неоднократно обсуждали. Эти массалии перешли от кочевья к земледелию и оседлому скотоводству в конце I тысячелетия до нашей эры. Чуть позже начали возникать города. Но карфагеняне, которые гораздо позже стали контролировать данную территорию, больше всего ценили глубокую и глубочайшую древность, когда жрицы массалиев обладали, по их мнению, поразительным тайнознанием и могуществом.

Ровно то же самое полагал Герман Вирт, питавший элиту СС глубочайшей оккультной мудростью, основанной на только что изложенных мною суждениях. И если бы не это странное обстоятельство, я ни в коем случае не стал бы так подробно обсуждать с читателем историю города Массилия, он же — Марсель, подарившего миру первооткрывателя Туле Пифея.

Но это странное обстоятельство не просто сосуществует рядом с другими тайнознаниями

«Аненербе». Оно имеет характер системообразующего и долгоиграющего тайнознания. Того тайнознания, которое может что-то нам сообщить и о Тибете, и о том «чреве Туле», которое, выносив нацистского гада, не потеряло, образно говоря, «зловеще-детородные» способности.

Оговорюсь — само общество Туле представляет собой столь же короткоживущее образование, как и немецкий нацизм гитлеристского образца. А «чрево Туле» — это нечто другое. Нечто, существовавшее задолго до возникновения общества Туле и продолжающее существовать после разрушения этого общества.

Итак, пуническая (то бишь финикийская, то бишь кондово семитская) Танит, столь восхищавшая Германа Вирта, призывавшего молиться этой богине подлинную элиту эзотерического нацизма, проповедовавшего яростный антисемитизм, на берберском языке, очень волновавшем этого самого Вирта, именуется Источником, Родником и так далее.

Почему для эзотерического нацизма так важны берберы с их поздней Нумидией, ранними массалийскими «ливийскими» таинствами? Потому что берберы и впрямь упоминаются в древнейших египетских источниках, относящихся аж к IV тысячелетию до нашей эры. В этих источниках они называются «техену». Древних египтян завораживала некая «тайна техену», чьи жрецы были, по мнению древнеегипетских жрецов, посвящены во что-то особенное. Поставить знак равенства между «тайной техену» и «тайной Нейт» невозможно. Но совершенно ясно, что две эти тайны фактически являются порождениями какой-то одной, достаточно специфической супердревности. Она-то и волновала умы древнеегипетских, древнефиникийских, древнегреческих жрецов. А далее — эстафета такой «окультурной волнительности» передавалась от поколения к поколению, заполняя собой разного рода эзотерические каверны внутри арабской, христианской и иных цивилизаций.

Цивилизации меняли свой облик. Но, приобретая новый облик, они сохраняли внутри себя некие каверны. И в этих кавернах продолжало существовать нечто, поразительным образом сохраняющее свой наидревнейший эзотерический облик.

Легче всего при этом сказать, что в определённый период времени сошлись две специфические субкультуры — эзотерическая имени Вирта и политическая имени Гитлера или Гиммлера. Что эти две субкультуры нашли друг друга, образовали специфическое целое, которое было сметено вместе с нацизмом. Но на самом деле многие идеи, которые питают подобные эзотерические субкультуры, живут по-прежнему своей, отдельной от нацизма, жизнью. Они питаются из определённых источников, превращают информацию, поступающую из этих источников, в специфическую эзотерическую субстанцию и в любой момент способны соединиться с близкой для них политической субкультурой — неона-

цистской или иной.

Вот только один из экзотических примеров, подтверждающих правоту подобного тезиса. В 1993 году в Москве в издательстве ВНИИЦлесресурс вышла книга Ф. Ф. Шаламберидзе, отрекомендованная читателю как абсолютно научная. Эта книга называлась «Атлантида — прародина кавказского авлоса». Авлос («трубочка» в переводе с греческого) — это такой инструмент, родственник гобою. Шаламберидзе подробно рассматривает эволюцию духовых музыкальных инструментов, механизм звукопроизводства и регулирования звука, совершенствование музыкальных инструментов типа дудук, географию их распространения.

Далее он переходит к общности народов, владевших духовыми музыкальными инструментами типа дудук.

И, наконец, начинает заниматься поиском прародины народов средиземноморской расы.

Занимаясь поиском этой прародины, Ша-

ламберидзе достаточно быстро, ориентируясь на многочисленные источники, выходит на некую промежуточную, берберскую прародину. Начинается знакомая по разнокачественной литературе манипуляция словами или тем, что называется индикативными частями этих слов.

Выявляется индикативная часть слова «берберы» — «бер». Берберы, де мол, это удвоение индикативной части этого слова — «бер». А что такое «бер»? Это — жрец. И дальше автор разворачивается достаточно широко. Был, де мол, такой жрец Бероэс. Так тут тоже главное — «бер». «Бер» — это жрец. А ещё (не падайте в обморок) был такой Лаврентий Павлович Берия. Берия — это тоже жреческий род, ибо индикативная часть слова «Берия» — это «бер».

Мне скажут: «мало ли странных работ вышло в постсоветский период». Так-то оно так, но был, знаете ли, такой, очень близкий к Лаврентию Павловичу, грузинский писатель — Константинэ Гамсахурдия. А у Константинэ Гамсахур-

дия был сын — Звиад Гамсахурдия. Он же — главный грузинский советский диссидент. Он же — первый постсоветский президент Грузии, наломавший много дров. Ох, как много.

Звиад был настоящим сыном своего отца. Отец занимался странной метафизикой, сын — тоже. Но ведь отец занимался метафизикой, ориентируясь на мировую практику. Он не был доморощенным метафизиком. И никоим образом нельзя считать подобную метафизическую затею чисто локальным грузинским метафизическим развлечением. Всё намного шире.

Выйдя на промежуточную древнюю жреческую берберскую сущность, которая каким-то образом связана с Кавказом, Шаламберидзе далее, конечно, не останавливается и утверждает, что сами берберы, а точнее — их жрецы, — это, конечно же, Атлантида.

А, между прочим, где Атлантида, там и Туле.

Могут сказать: «ну вот, обещали не заниматься Атлантидой, и вот, наконец, не утерпели и за-

велись — причём, ссылаясь на какого-то Шаламберидзе».

Никоим образом никакой Атлантидой я не собираюсь заниматься. Что же касается того, что Шаламберидзе «какой-то», то, знаете ли, был некий академик Николай Яковлевич Марр (1864–1934). Это известный российский и советский востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог. Николай Яковлевич стал академиком ещё до революции — в 1912 году. Позже он стал академиком и вице-президентом Академии наук СССР. Его «Новое учение о языке», названное яфетической теорией, долгое время считалось неопровержимым. Потом оно было осуждено — знаете кем? — самим Иосифом Виссарионовичем Сталиным в его работе «Марксизм и вопросы языкознания».

Сталин опубликовал основную часть этой работы 20 июня 1950 года в газете «Правда». В том же году работа Сталина была издана массовым тиражом отдельной брошюрой.

Сталин был тяжело болен и дико перегружен всем на свете — международными осложнениями, внутривластной элитной борьбой. Ему что, нечего было делать на склоне лет, на вершине политического Олимпа? Вроде бы, как бы даже и не по чину — политический небожитель и какой-то Марр, который умер за 16 лет до опубликования работы Сталина.

Если бы Сталину нужно было, как говорят некоторые, просто остановить наступление учеников Марра, то выступил бы не сам Сталин, а любой секретарь ЦК, которому это было бы поручено. Но Иосифу Виссарионовичу Сталину нужно было окоротить не каких-то там учеников Марра, а самого Лаврентия Павловича Берия, который стоял за спиной учеников Марра, перешедших в наступление до выхода брошюры Сталина.

А почему Берии нужны были ученики Марра? Да и вся эта яфетическая теория в целом? Потому что эта теория придавала Закавказью в целом

и его отдельным частям, включая Грузию, общемировое значение. Снижая тем самым значение других народов СССР, русского в том числе.

Кроме того, яфетическая теория вообще предлагала очень изысканную и своеобразную модель соотношения эксплуатируемых и эксплуататоров. Эксплуатируемыми объявлялись древние яфетические народы, оказавшиеся порабощёнными арийцами и семитами. Великая революция интерпретировалась как революция яфетитов, освобождающихся от порабощения.

Я сознательно довожу до крайности идеи Марра и его учеников. Но я эти идеи не оглупляю, а представляю читателю в концентрированно-политическом виде. То, что работа «Марксизм и вопросы языкознания» была ударом Сталина по Берии и входила в единую, проводимую Сталиным антибериевскую кампанию, другой частью которой было так называемое «Мингрельское дело», начатое в 1951 году (Берия был мингрелом и делал существенные ставки на так назы-

ваемый мингрельский клан), — достаточно очевидно.

Так что же после этого? Мы будем называть «какими-то» и Берию, и боровшегося с ним Сталина, и таких окологериевских метафизиков, как Константинэ Гамсахурдия и... и... и...

Впрочем, яфетическую теорию и другие темы, в которых метафизическое и политическое содержания связаны воедино, необходимо обсуждать в других исследованиях и с другой степенью подробности. Здесь я привёл некоторые сведения только для того, чтобы не было ощущения сугубой локальности виртовского сюжета.

Этот сюжет совсем не локален. Он связан и с тибетской темой, и с теми её аспектами, которые мы разобрали, обсуждая так называемых «зелёных». Возможно, дальнейшее обсуждение виртовской темы выведет нас опять на этих «зелёных», но перед тем, как это произойдёт, нужно набраться терпения и обсуждать всерьёз очень сомнительные построения этого самого Вирта.

Ради того, чтобы этот серьёз был сохранён, я и привёл посторонний для данной темы сюжет с Шаламберидзе, Марром, Берией, Гамсахурдией, Сталиным. Нельзя пренебрегать эзотерикой, если она приобретает политический характер. А в случае с Виртом она этот характер очевидным образом приобрела.

Рассматривая карфагенскую богиню Танит, Вирт установил, что эта богиня имеет некое отношение к созвездию Чаши. И к ярчайшей звезде этого созвездия — Алькес (Alkes).

Алькес — это арабское название данной звезды. По-арабски «ал-кас» — это чаша или кубок. Латинское название всё той же ярчайшей звезды созвездия Чаши — «Дно Сосуда» («Fundus vasis»).

Вирт, будучи, между прочим, далеко не слабым лингвистом, утверждал, что это арабское название звезды созвучно древней руне Алгиз (Algiz). А форма руны Алгиз сильно напоминает карфагенский знак, являющийся символом боги-

ни Танит.

К этому всё, конечно же, не сводилось. Потому что звезда, являющаяся «Дном Сосуда», была для оккультных нацистов виртовского направления указателем той направленности, которая, будучи осуществлённой, позволяла наладить связь с Чёрным солнцем.

Знак богини Танит — это треугольник или трапеция с поперечиной. Поперечина наложена либо на вершину треугольника, либо на короткую верхнюю сторону трапеции. Очень часто концы поперечины подняты вверх, а выше поперечины находится круг.

Вирт утверждал, что такой символ фактически идентичен форме созвездия Чаши. А значит, богиня Танит (имя которой, вновь обращаю внимание читателя, было для Вирта важным в его берберском значении — Источник, Родник) — это то же самое, что руна Мадр (Madr) или Алгиз/Ман (Algiz/Man).

Вирт обращал внимание своих эсэсовских

подопечных на то, что в Карфагене жрицей богини Танит была некая Белая Дама, в руках которой находился сосуд — чаша с живой водой.

Далее Вирт подробно исследовал тот набор имён, под которыми выступает столь важная для него Танит. Эти имена — Таннита, Тиннит, Белит, Балат. Вирт исследует не только эти имена, но и эпитеты, которыми семитский мир награждает Танит. Эти эпитеты — Пенэ Баал (лицо Баала), Цалам-Баал (образ Баала). Это имя стало известным благодаря историческому роману Гюстава Флобера «Саламбо», написанному в период с 1857 по 1862 год. Действие романа происходит в Карфагене во время восстания карфагенских наёмников.

Саламбо — дочь карфагенского начальника Гамилькара. Её возлюбленный — ливиец Май, предводитель восставших воинов.

Флобер по-своему интерпретирует рассказ античного историка Полибия, сведениями которого мы уже неоднократно пользовались. Я

здесь не могу подробнее обсуждать этот роман Флобера. Я только лишь обратил внимание на то, что Цалам-Баал и Саламбо — это одно и то же. А значит, Саламбо (которая является служительницей Танит, то есть Белой Дамой) — это, в каком-то смысле, земное воплощение Танит (образа Баала, лица Баала и так далее).

Танит — ещё и око Баала. Кроме того, она вооружена следующими именами: Небесная, Владычица звёзд, Великая Мать, Львиноголовая (тут проступают параллели между нею и Нейт — С. К.), Кормящая, Девственная.

Один из титулов Танит, наиболее интересующий Вирта, — это Великая Мать. Такой титул Танит не выдуман. Археологи располагают соответствующими древними пуническими надписями.

(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

Классическая война

Трудный путь к Победе

Оклеветать значение героической обороны Сталинграда и последовавшей за ней Сталинградской битвы трудно, здесь пасуют даже завзятые критиканы

Сооружение советского противотанкового рва
в Смоленской области. 26 июля 1941 г.

Советская контратака в дер. Каменка
Московской области. Октябрь 1941 г.

Немецкие солдаты сдаются в плен
красноармейцам во время битвы за Москву.
Зима 1941–1942 гг. Советские солдаты

Советские солдаты в бою на окраине Харькова.
1942 г.

**В бою на руинах здания в Сталинграде.
Сентябрь 1942 г.**

Советские солдаты в бою среди разрушенных зданий в Сталинграде. Январь 1943 года

Танки Т-34-76 поддерживают атаку пехоты
на Курской дуге. Август 1943 г.

Советские разведчики в бою. 2-й Белорусский фронт. Лето 1944 г.

**Советские солдаты раздают пищу жителям
Берлина. Апрель 1945 г.**

Советская штурмовая группа со знаменем
у рейхстага. Май 1945 г.

Видя, что современная Россия отстраивает свою идентичность, опираясь на Великую Победу в Великой Отечественной войне, её противники делают всё возможное для того, чтобы умалить величие Победы.

При этом используется миф о бездарном ведении нами военных действий, о нашей стратегической импотенции и так далее.

Отвечая на этот вызов, мы просто обязаны выявить стратегическое слагаемое во всём том, что происходило с нами тогда.

Предлагаю взглянуться в наш ратный подвиг под этим — собственно стратегическим — ракурсом.

Вторая мировая война началась нападением Гитлера на Польшу в сентябре 1939 года. До начала Великой Отечественной войны оставалось почти два года. В течение этих двух лет Запад фактически не давал никакого стратегического ответа на нацистский вызов.

Разгром Польши... Захват Дании и Норвегии...

Разгром Франции... Бомбардировки Великобритании...

Стратегия нацистов понятна. А Запад? Чем занят он?

Фактически — попытками договориться с нацистской Германией.

Советский Союз готовился к войне с Германией заранее, понимая, что, во-первых, ни в коем случае нельзя стать врагом всего совокупного Запада (то есть надо всеми силами содействовать продолжению конфликта Великобритании и Германии, а также включению в этот конфликт США на стороне Великобритании), и что, во-вторых, угрозой с Запада (даже и объединившегося против СССР) всё для нас не исчерпывается. Потому что на наших восточных границах Япония, союзница Германии, уже начала агрессию против Китая и, имея мощную Квантунскую армию (более 1 миллиона человек), была готова напасть на СССР. А на юге к войне с нами готовилась Турция, реанимировав свои давние территориальные и по-

литические претензии.

Чтобы избежать войны на два-три фронта, чтобы не дать Великобритании выйти из войны, а то и объединиться с Германией против нас, советское руководство изо всех сил избегало всего, что могло бы стать поводом считать СССР агрессором. И именно поэтому не объявляло мобилизацию, не приводило войска в боевую готовность и не выдвигало их к границе.

Спору нет, это породило на первом этапе Великой Отечественной войны тяжелейшие последствия. Но зато империалистические государства не выступили против нас единым блоком, как намеревались, а Великобритания и США даже стали союзниками СССР по антигитлеровской коалиции — пусть ненадёжными, пусть корыстными, но не врагами, а союзниками.

Однако не допустить войны на нескольких фронтах ещё не означало обеспечить победу. Нужна была стратегия, отвечающая на нацистский вызов блицкрига. В отличие от Запада, СССР

сумел найти такую стратегию — единственно возможную в сложившейся ситуации и исторически оправданную стратегию измора.

Эта стратегия применялась Россией издавна — тут и первые наши князья, и Пётр I, который именно измором сковал силы шведов и не дал им дойти до Москвы, и Кутузов, выдвинувший против Наполеона именно такую стратегию. И что бы ни говорилось о шапкозакидательских настроениях, якобы имевших место в советском руководстве перед началом Великой Отечественной войны, неопровержимые факты доказывают, что на самом деле это руководство изначально готовилось использовать стратегию измора против гитлеровского нашествия, заранее готовило для этого дальние промышленные базы (прежде всего уральскую) и так далее.

Гитлер и его генералы сделали ставку на блицкриг. Советское руководство и советский генералитет сделали ставку на измор и срыв блицкрига. Ни на что другое сделать ставку было нельзя.

Вскоре выяснилось, что нами была сделана верная ставка. Потому что, если с начала войны и до июля 1941 года германский блицкриг продвигался по нашей территории в среднем со скоростью 34 км в сутки, то после двухмесячной обороны Смоленска он резко затормозил — истощённая постоянными боями немецкая машина войны перестала быть сверхскоростной и с конца сентября продвигалась со скоростью не более чем 3 км в сутки.

К первым числам декабря у наступавшей на Москву группы армий «Центр» не осталось ни боеспособных частей, ни силы духа, чтобы взять столицу. Блицкриг выдохся у самых её стен. А 5 декабря началось наше знаменитое контрнаступление под Москвой, окончательно определившее конец блицкрига и начало конца Третьего рейха.

Почему это произошло?

По многим причинам. Потому что русские не сдавались — окружённые, наши войска по-

прежнему дрались. Начальник немецкого Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер пишет в дневнике, что *«русские всюду сражаются до последнего человека»*.

Потому что полководцы Красной Армии организовывали постоянные контрудары и даже контрнаступления.

Потому что германская армия несла непредвиденно большие потери техники и людского состава. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок считал, что он не смог захватить Москву потому, что у него не осталось ни одной боеспособной дивизии.

Потому что психологическое состояние немецких солдат было катастрофическим — апатия, страх, нежелание идти в наступление. По воспоминаниям немецких офицеров, под Москвой отмечались случаи, когда солдаты падали в снег и отказывались подниматься, крича *«Я больше не могу!»*. Главным стремлением

было перейти к обороне, отдохнуть, прекратить ежедневные бои с этими постоянно сопротивляющимися русскими. Именно под Москвой в практику немецких генералов вошли расстрелы своих солдат за трусость и отказ исполнять приказ.

Итак, под Москвой блицкриг был похоронен, враг был отброшен на 100–150 километров, но он по-прежнему оставался непобеждённым, мощным, злобным, умелым и предусмотрительным.

Весь 1942 год весы войны качались, не давая окончательного ответа, кто же победит. Красная Армия после московской победы потерпела ряд серьёзных поражений. А вермахт перегруппировал силы и вновь пошёл в стратегическое наступление — теперь на юг. Весной немцы разгромили наши войска в районе Харькова и в Крыму, а к середине июля заняли Донбасс, Ростов, Краснодар, Ставрополь и атаковали Сталинград.

С августа по ноябрь продолжалась беспри-

мерная оборона Сталинграда. Таких ожесточённых боёв в этой войне ещё не было. И советская, и немецкая армии делали ставку только на победу.

Немцы всё усиливали и усиливали свою сталинградскую группировку, нарастив её с 14 до 81 дивизии. Здесь образовался один из сильнейших немецких ударных клиньев, созданных за всё время Второй мировой войны.

Наше командование могло противопоставить подобной сверхгруппировке только всё тот же измор, то есть такую оборону Сталинграда, при которой даже сверхгруппировка нацистов окажется в итоге обескровлена, психологически сломлена, ресурсно истощена и так далее.

Под Сталинградом стратегия советского измора столкнулась со стратегией нацистского наступательного прорыва. Именно от результатов этого столкновения зависел исход войны. Это понимали и советские, и нацистские стратеги. Они понимали и другое — что воистину настал мо-

мент истины, момент проверки силы духа, а не только силы оружия.

Оклеветать значение героической обороны города и последовавшей за ней Сталинградской битвы трудно, здесь пасуют даже завзятые критиканы. Причём, достоверно известно, что в этой битве мы уж никак «не заваливали врага трупами» — потери немцев и их итальянских и румынских союзников составили более 800 тысяч человек, а наши — 479 тысяч бойцов.

Сталинградская битва, по крылатому выражению, обозначила коренной перелом в ходе войны. После неё стратегическая инициатива полностью перешла к нашим войскам.

Третьим стратегическим контрнаступлением после Московской и Сталинградской битв стала Курская дуга 1943 года. Эта беспрецедентная по масштабу задействованных человеческих и технических ресурсов битва стала первым нашим подготовленным ответным ударом на удар противника.

К лету 1943 года обе армии — и наша, и немецкая — готовили наступление в районе Курского выступа. Этот выступ сложился в ходе предыдущих боёв и командованием обеих армий рассматривался как плацдарм для начала стратегического наступления.

Немецкое командование дало будущей операции название «Цитадель» и отмечало в приказе: *«Этому наступлению придаётся первостепенное значение. Оно должно быть проведено быстро и успешно. В связи с этим... на направлениях главного удара должны использоваться лучшие соединения, лучшее оружие, большое количество боеприпасов».*

Наше командование стояло перед сложным выбором — первыми начать наступление, рискуя не прорваться сквозь свежие немецкие части, или готовиться к обороне, имея ещё больший риск не удержать стремительную немецкую машину.

В итоге была принята компромиссная страте-

гия, названная преднамеренной обороной — создать мощную оборонительную систему, измотать врага, а затем свежими резервами развернуть наступление.

То есть, и на этом этапе мы, фактически, использовали всё ту же стратегию измора.

В кратчайший срок была проведена огромная организационная работа, подготовлены материально-технические условия, создан новый Степной фронт под командованием генерал-полковника И. Конева.

Разведка с обеих сторон пыталась узнать самое главное — дату и час наступления. Немцы своё наступление несколько раз переносили. Напряжение нарастало час от часу. Наконец, было установлено окончательное время немецкого наступления — 5 июля в 3 часа ночи.

Ровно в 2:20 по готовящимся к атаке немцам ударил шквал огня советской артиллерии самых мощных калибров на глубину до нескольких десятков километров. Это во многом сорвало согла-

сованное и организованное немецкое наступление, нанесло сильный урон в людях и технике. Тем не менее, наступление нацистов началось, и Красной Армии до 23 июля пришлось работать на измор, то есть держать оборону против остревенело рвавшихся вперёд гитлеровцев.

Самым масштабным сражением Курской битвы считается танковый бой под Прохоровкой, где во встречном сражении действовали по несколько сотен танков с каждой стороны. Один из участников боя вспоминал: *«Стоял такой грохот, что перепонки давило, кровь текла из ушей. Сплошной рёв моторов, лязганье металла, грохот, взрывы снарядов, дикий скрежет разрываемого железа... От выстрелов в упор сворачивало башни, скручивало орудия, лопалась броня, взрывались танки».*

Наши бойцы не только выдержали этот ад, но и после более чем двух недель обороны пошли в наступление. Итогом советских наступательных операций «Кутузов», «Суво-

ров» и «Румянцев» стало отступление немцев на 140–150 км и их вынужденный переход к обороне.

После 1943 года стратегия измора уже не должна была полностью определять ход наших стратегических операций. К этому моменту мы уже лучше самих немцев использовали приём стратегического окружения, так называемого «кольца».

К 1944 году была снята блокада Ленинграда, сокрушён «непреодолимый» Восточный вал, выстроенный немцами на Днепре, освобождены Правобережная Украина, часть Молдавии, Крым, а стратегическая инициатива окончательно перешла в наши руки.

Операция «Багратион» была призвана освободить Белоруссию, что уже было символично, ибо оттуда начиналась война. Немцы давно не наступали — только оборонялись, безуспешно пытаясь теперь скопировать нашу стратегию измора. Во исполнение этой задачи группа армий

«Центр» закрылась мощнейшими оборонительными укреплениями, которые предстояло взломать войскам четырёх наших фронтов. Уникальную операцию наше командование осуществило практически за два месяца, не только пробив оборону вермахта, но продвинувшись в глубину до 600 км, освободив Белоруссию, часть Прибалтики и часть Польши. Фашистский генерал З. Вестфаль писал: *«В течение лета–осени 1944 года немецкую армию постигло величайшее в её истории поражение, превзошедшее даже сталинградское... Германия неудержимо катилась в пропасть».*

Немцы не сумели скопировать нашу стратегию измора, и это, как ничто другое, свидетельствует об уникальных качествах, позволивших нам сначала осуществить такую стратегию, а потом лишить противника возможности сделать то же самое.

Те, кто сегодня хотят дискредитировать нашу Победу, делают ставку на нашу неспособ-

ность к стратегическому осмыслению всего произошедшего в те страшные, суровые и величественные годы нашей истории.

Не выйдет, господа!

Юрий Бардахчиев

Диффузные сепаратистские войны

Паноптикум регионалистов и сепаратистов — 3. О сторонниках Майдана на Северо-Западе России

Можно говорить об активизации белоленточниками (и их зарубежными партнёрами) работы по провоцированию в России регионалистских и сепаратистских настроений накануне нового избирательного цикла

В предыдущем номере газете мы уже начали обсуждать то, как именно некоторые наши либеральные политики и журналисты применяют в своей работе против российской государственности западные технологии информационно-пропагандистской войны. Одна из таких технологий адресует к актуализации в «информационном поле» исторических конфликтов, используемых а) для разжигания на их основе новой конфронтации в обществе и б) для последующего управления социальными процессами. Западные специалисты называют это «*актуализацией исторического времени*».

Напомним, что речь шла о статьях члена федерального Политсовета партии «Яблоко» Л. Шлосберга, в которых с нескрываемой ненавистью к Москве рассматривалась одна из самых трагических страниц нашей истории — феодальная междоусобица. В этих материалах, написанных осенью 2009 года, автор назвал тяжёлый и долгий процесс «*собирания*

земель русских» «оккупацией ордынской Москвой... центров средневековой европейской цивилизации — ...Псковской и Новгородской республик». Более того, известный политик «перенёс» те далёкие конфликты в современность: противопоставил нынешний Псков Москве и выразил надежду на то, что когда-нибудь в регионе вырастет «поколение, которое вернёт эту землю к её корням», то есть сделает Псковскую область независимой от Федерального центра.

Настораживает то, что такой подход, актуализирующий исторические конфликты для ослабления и разрушения Российской Федерации, встречается не только у части либеральных политиков, но и у некоторых специалистов, которые отвечают за образование и воспитание молодого поколения.

Как вам, к примеру, такое заявление, сделанное весной 2006 года заведующим кафедрой теории и истории культуры Новгородского государственного университета К. Завершинским? Ци-

тата: «Среди новгородцев всё больше юношей и девушек со взором горящим, восхищающихся «первой европейской демократией», с отвращением говорящих о московской оккупации, залившей кровью новгородцев весь город... Культ Александра Невского [становится] неорганичным привнесением на новгородскую землю московских ценностей».

Профессор К. Завершинский (с 2010 года преподающий также и на факультете политологии Санкт-Петербургского государственного университета) является автором многочисленных научных работ и учебных пособий, посвящённых исследованиям в области политики и «*легитимации политических практик*».

И в данном случае можно утверждать, что такая откровенная антимосковская трактовка периода феодальной междоусобицы, перенесённая на нашу реальность, — есть позиция части российской научной элиты, обусловленная, в том числе, многочисленными зарубежными стажир-

ровками и исследовательскими грантами.

Тогда же, весной 2006 года, вышеприведённое высказывание К. Завершинского вошло в статью учёного-религиоведа, старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН С. Филатова. Материал назывался «Новгородская духовность: русская демократия и русская вера. Возрождение идеалов Республики и РПЦ».

В своей работе автор говорит о возрождении в России с конца 1980-х годов *«задавленных местных культурных, политических и религиозных традиций, регионального самосознания»*. Кратко рассказывается о тех *«демократических порядках в церковной и общественной жизни Новгородской республики, которые были ликвидированы в 1478 году»* в результате *«оккупации... Московией»*. Признаётся большая роль в настоящее время местной епархии в восстановлении *«духового и политического наследия Великого Новгорода»*.

Далее С. Филатов, что называется, берёт бы-

ка за рога: «Новгородцы начинают считать себя наследниками европейской демократической культуры, раздавленной московской азиатской деспотией. Трудно найти новгородца, который бы не гордился своей древней демократией и не сожалел о том, что Москва оккупировала его родину... Москвичи сакрализовали монархию, а для новгородцев свята республика и демократические институты... В Новгороде до сих пор не появились идеологи, которые изложили бы взгляды «республиканцев» в текстах».

Обратим внимание на то, что за последние 25 лет после распада СССР в интернете появилось немало авторов, обосновывающих обособление отдельных российских регионов от Москвы (на основе исторических конфликтов) и претендующих на систематическое изложение взглядов «республиканцев». И не последнее место в этом списке занимает сам религиовед С. Филатов, посвятивший несколько статей «исследованию особенностей регионального религиозного созна-

ния» Восточной Пруссии, Новгорода, Пскова, Рязани, Твери...

Итак, мы всё более убеждаемся в том, что в провокационном и разрушительном по отношению к нашему государству процессе (информационно-пропагандистской войне по западным образцам) участвуют не только оппозиционные политики и блогеры, но и вполне респектабельные учёные. Которые делают всё возможное для того, чтобы соответствующим образом настроить подведомственную им в той или иной степени студенческую молодёжь. А также другие группы населения, переживающие естественный кризис идентификации.

Респектабельные учёные занимаются неким интеллектуальным посевом. О том, что именно возрастает в политическом смысле, говорит деятельность российского интернета.

С февраля 2005 года у новгородских сепаратистов существует в ЖЖ такой ресурс, как «Республика Северная Русь».

Вот цитата из Манифеста данного интернет-сообщества: *«Мы, граждане вольной Новгородской республики, незаконно аннексированной московскими царями в 1471–1479 годах, заявляем, что не признаём оккупационный московский режим — каким бы он ни был — царским, советским, «демократическим» или президентским. Мы считаем территорию Новгородской республики в настоящее время оккупированной и считаем незаконными проведение на её территории любых выборов, рекрутских наборов и налоговых сборов.*

Конечной целью мы ставим образование Республики Северная Русь в исторических границах Новгородской республики и призываем всех заинтересованных граждан... и организации примкнуть к нашему освободительному движению».

Обратим внимание на то, что администратором интернет-ресурса, объединяющего более 260 участников (называющих Евромайдан одним

из примеров «освободительного движения»), является лидер регионалистской организации «Ингерманландия» В. Николаев. (О нем шла речь в предыдущих наших материалах.)

А среди авторов, которых на данном сайте рекомендуют изучать, также встречаются уже известные нам фамилии: С. Филатов, карельский регионалист В. Штепа, сторонник образования «Русских республик в составе России» А. Широпаев.

С чем же рекомендуют ознакомиться посетителям сайта?

Например, с книгой сопредседателя Национал-демократического альянса (НДА) А. Широпаева «Тюрьма народа: Русский взгляд на историю» (2001 год). В связи с рассматриваемой темой приведём одну цитату: *«Москва стала полноценным золотоордынским улусом... Последней альтернативой Москве, последней Русью оставался Господин Великий Новгород... Всегда правители Северо-Востока... хотели*

подмять... ликвидировать Новгород, как альтернативный центр собирания русских земель. Уничтожить Новгородскую цивилизацию, эту жемчужину Северной Европы...»

Подчеркнём, что лидеры НДА видят будущее России («обременённой» историческими конфликтами) в виде конфедеративного государства. Вот как описывает это будущее другой председатель НДА И. Лазаренко: *«Стоит говорить только о полном реформатировании государственности... Регионализация — это возможность создания ряда русских республик, объединённых в Русскую Конфедерацию. Отвергнутый регионами «центр»... найдёт свой бесславный конец в полном одиночестве... Объединённая горизонтальными связями Конфедерация в состоянии, после развода с северокавказскими рецепторами, Татарией и Башкирией, наладить работу...»*

Совершенно очевидно, что при таком разводе (то бишь, очередном распаде страны) ника-

кие отдельные российские регионы не смогут наладить государственную жизнь. Да они и не будут, приняв вышеописанную идеологию, заниматься чем-то подобным. Нельзя этим заниматься в случае, если отстраиваешь свою идентичность от времён средневековья и феодальной междоусобицы. «Княжества» в статусе «русских республик» со смешанным населением на территориях, с нарастающей угрозой межнациональных конфликтов и терроризма, в условиях новой «холодной войны»... Это очень «аппетитное блюдо» для тех, кто хочет отхватить от России часть территории и окончательно добить нашу страну.

И именно на этот проект активно работают сейчас российские регионалисты-белоленточники и политэмигранты. Знаковая фигура среди этой компании — один из идеологов регионализма В. Штепа. Этот сторонник «Свободной Карелии» в конце 2015 года своей публицистической деятельностью привлёк внимание российских правоохранительных органов,

занимающихся противодействием экстремизму. В результате известный блогер, главный редактор журнала ИНАЧЕ попросил политического убежища в Эстонии.

После эмиграции В. Штепа заявил, что *«подписал контракт с одним эстонским университетом на аналитические работы»*. Какую работу будет проводить этот специалист по информационно-пропагандистской войне, чьи статьи уже давно публикуются в Прибалтике, Финляндии, Польше, США? Скорее всего, он будет через интернет развивать свои контакты с регионалистскими и откровенно сепаратистскими группами в России с целью «просвещения» и наращивания «протестного актива». И часть его аналитической работы будет посвящена использованию «антимосковских настроений» в регионах для провоцирования развала нашей страны.

К такой версии отсылает и само (пусть и хамски-хвастливое) заявление Штепы, сде-

ланное в феврале 2016 года: «У Республики Карелия (заявляю практически официально) будет дружественный и безвизовый режим с Республикой Ингерманландия, Мурманской Республикой, Поморской Архангельской Республикой, Республикой Кёнигсберг, Республикой Залесская Русь, Республикой Татарстан, Сибирской республикой, Республикой Приморье. Извините, если кого-то пропустил...»

То есть названа часть проектов (они же — направления), по которым на Западе против России ведётся целенаправленная работа. Косвенным подтверждением этого являются, к примеру, начавшиеся с декабря 2015 года на украинском сайте «dero.ua» публикации подробных статей о субъектах сепаратизма в российских регионах.

Кстати, именно в феврале 2016-го на этом сайте появился материал под названием «Когда развалится Россия: Воссоединятся ли братские Финляндия и Карелия», где рассказывается о деятельности В. Штепы.

Можно с большой долей вероятности говорить об активизации нашими белоленточниками (и их зарубежными партнёрами) работы по провоцированию в России регионалистских и сепаратистских настроений накануне нового избирательного цикла. Работа ведётся разными методами, внутри и за пределами нашей страны.

И очевидно, что встреча российской эмиграции и либеральной оппозиции 9–10 марта 2016 года в Вильнюсе, где присутствовали сторонники регионализации (а точнее, развала) России — В. Николаев, И. Лазаренко, В. Штепа и другие, — была посвящена в том числе и этой теме.

О других участниках этого процесса — в следующих номерах газеты.

Эдуард Крюков

Культурная война

Десоветизация живописи — XI

Петрова-Водкина при демонстрируемом уважении всеми правдами и неправдами начали не только отрывать, но даже и противопоставлять «так называемой» советской культуре, отыскивая в его биографии и творчестве зацепки, позволяющие соблюсти новые установки

К. С. Петров-Водкин. Новоселье (Рабочий Петроград). 1937 г.

К. С. Петров-Водкин. 1918 год в Петрограде.
1920 г.

К. С. Петров-Водкин. Полдень. Лето. 1917 г.

В начале 1970-х годов значительная часть гуманистически настроенной советской художественной интеллигенции стала разубеждаться в прежних идеалах и — очень часто — предавать их, всё более обращая взор в сторону Запада или религиозных систем прошлого. (Характерно, что в творчестве того же Ю. Норштейна на сме-

ну революционным образам пришёл «Ёжик в тумане».)

При этом в «академической» гуманитарной среде стала формироваться (и даже культивироваться) некая асоциальная, снобистская «выгородка», где сами слова «народ» (тем более — «советский»), «социализм» и т. п. начали вызывать иронию и табуироваться. Именно тогда стало нарастать равнодушие к социально-нравственным традициям русского реализма и на первый план вышло восхищение Серебряным веком, а в методологии на первый план вышли проблемы стиля, структурализм и западные теории.

Несомненно, что новые подходы к искусству в какой-то степени вели к постижению важных и прежде не познанных сторон истории и теории искусства. Но увы — они сопровождались тем, что известный австрийский искусствовед Ганс Зедльмайр называл «утратой сердцевины», выходом на первый план отчуждённых от общества, внутренне холодных «аналитиков». Стало исче-

зять и живое чувство природы, космоса.

Помнится, как в начале 1970-х годов на искусствоведческом отделении истфака МГУ при обсуждении доклада, где речь шла о художнице Викторе Попкове (названным «Высоцким советской живописи»), студентка, увлечённая новомодными методами (вскоре она эмигрировала) с апломбом спросила докладчика: «Человечность? Что это за термин?» Подобное отчуждение от живой основы искусства, судьбы собственной страны становилось всё более характерным качеством нашего искусствоведения.

Сказанное относится и к изучению наследия Петрова-Водкина, интерес к советскому периоду которого с тех пор угас, а в новых работах вышли на первый план стилевые проблемы, связи его раннего творчества с искусством старых и новейших европейских мастеров, с древнерусской живописью и с дореволюционным модерном и символизмом.

Характерно, что автор наиболее интересных

среди подобных трудов искусствовед С. Даниэль, применивший при анализе наследия художника Петрова-Водкина методы Тартусской семиотической школы и вполне игнорировавший «советское» в его наследии, в недавнем автобиографическом романе «Музей» признался, что находился тогда под влиянием «самиздата», на него «наваливалась ложь государства» и он занимался самосохранением в «стране лилипутов».

Впрочем, жили в искусствознании и иные тенденции, связанные с интересом к проявлениям в творчестве Петрова-Водкина специфики русского «космизма» и ставшие особенно актуальными в начале «перестройки», когда попытка обретения «нового мышления» активизировала «ноосферное» направление науки. Эта тенденция поныне живёт на периферии, в частности в деятельности и изданиях музея К. С. Петрова-Водкина в Хвалынске. Продолжала свои интересные исследования творчества мастера историк искусства Н. Адаскина, монография которой вы-

шла в свет в позапрошлом году.

Но в целом с конца 1980-х годов и особенно после развала СССР и расстрела Дома Советов на первый план вышли совсем иные веяния и, в первую очередь, — стремление переписать искусство соответственно пожеланием «десоветизаторов».

В периодической печати (тех самых «органах», где хаяли Саврасова) начались «наезды» и на Петрова-Водкина, в личности и творчестве которого вдруг обнаружили *«конфетность»*, *«амбициозное смакование культурных толщ»*, *«скособоченность пространства»*, *«попытки сойти за человека культурного»* и стремление *«сделать карьеру арт-функционера»*. Припомнили и то, что картина «Смерть комиссара» была высоко оценена в Италии времён Муссолини, и многое другое.

Среди искусствоведов наиболее радикально «отмежевались» от Петрова-Водкина, конечно, постмодернисты, выведшие на первый

план уже характеризовавшуюся выше «западнистскую» схему развития живописи.

Особенно показательна, что по-своему «установочная» книга «История русского искусства XX века», написанная «гуру» «современного искусства» Екатериной Дёготь, была рекомендована в качестве лучшего пособия для вузов. Эта дама, у нас наиболее близкая кругу В. Ерофеева и М. Гельмана, а на западе — троцкистам от искусствознания (Б. Гройсу), известна и своей кураторской деятельностью, в том числе организацией в Перми в 2012 году бандеровской выставки **«Якщо»**, и выступлениями за раздел России.

В истории же искусства XX века она ничтоже сумняшеся посчитала подлинно достойными внимания лишь авангард и антисоветский концептуализм, почти не уделив места всему, что было связано с развитием классических традиций и реализмом. И если в её книге Малевичу посвящено около 20 страниц, Кабакову — около 10, то обществу «Четыре искусства» и Петрову-

Водкину — буквально два небольших абзаца, где последний выступает до революции как «экуменический» художник, а в советское время — как «либерал»-неоклассик с буржуазным художественным прошлым. (При этом художник Павел Кузнецов не удостоился ни единой строчки.)

Вволю поглумились над образами и смыслом творчества Петрова-Водкина и художники «гельманского» круга с их склонностью к «переворачиванию высоких смыслов». Особенно характерна здесь экспонировавшаяся в том же Пермском музее картина «Ксения Собчак на красном коне», причём сама «модель» не преминула выложить в интернет и собственную версию подобной композиции.

Десоветизация наследия художника оказалась настолько присуща и как бы традиционно-му «академическому» искусствознанию, поставившему во главу угла изучение европейских связей русского искусства, авангарда и «нонконформистского» (читай антисоветского искусства), что

редкая и, казалось бы, серьёзная научная статья или книга стала выходить без плевка в сторону «тоталитаризма», «комиссаров» и т. д.

Петрова-Водкина же и при видимом уважении всеми правдами-неправдами начали не только отрывать, но даже и противопоставлять «так называемой» советской культуре, отыскивая в его биографии и творчестве зацепки, позволяющие соблюсти новые установки.

Так, в «головном» государственном Институте искусствознания в 2004 году вышла книга А. Мазаева «Искусство и большевизм», где в статье, посвящённой Петрову-Водкину, сделано всё, чтобы отвести его от «свихнувшейся эпохи», в частности, раздувая факт его ареста по недоразумению в 1918 году. Или отыскивая высказывания, позволяющие представить его противником революции, признающим исключительно «революцию духа». А между прочим, одним из ближайших друзей художника был революционер и писатель С. Мстиславский — профессиональ-

ный военный, участвовавший в ликвидации Гапонна, аресте царя и командовавший красными партизанами, а в дальнейшем автор известной книги о Баумане «Грач — птица весенняя».

Появились и другие книги, диссертации и статьи, в которых при относительной ценности фактических сведений и отдельных наблюдений напрочь отсутствует чуткость к идеально-социально-гуманистическому плану искусства Петрова-Водкина. При этом в одних работах стала акцентироваться «европейскость» художника, его «ницшеанство» (!) и связи с «метафизическим реализмом», экспрессионизмом и фовизмом Запада, а в других — религиозно-философская составляющая. Художника стали представлять чуть ли не «веховцем», по недоразумению не покинувшим Россию на «философском пароходе».

Ещё один вариант интерпретаций выводит в Петрове-Водкине за счёт всего прочего церковно-православный план (хотя художник

отрицательно относился к современной церкви), что, между прочим, отразилось и в том, что на упоминавшейся выставке в Манеже (ноябрь 2015 года) он представал как бы в двух ипостасях: в верхней части выставки — в качестве религиозного художника, а в нижней — исполнителем навязанного соцзаказа. Причём один из организаторов «нижней» выставки режиссёр Э. Бояков в одном из своих интервью сподобился увидеть в картине «После боя» и «очень опасную игру со властью, потому что, конечно, это Троица, которая опрокидывает нас в другой мир. Ведь они говорят о погибшем товарище» (как будто и в 1930-е годы кто-то не видел теснейшей связи искусства Петрова-Водкина с наследием Древней Руси).

Если же покопаться в интернете, можно найти и массу других примеров прямо болезненного стремления иных авторов перетолковать «неузнанного Петрова-Водкина» (так называется один из подобных безумных текстов) в антисо-

ветском духе, увидеть в портрете Ленина «демонизм», в «Рабочих» чуть ли не монстров, за окнами — «чёрные воронки» и т. п.

Все эти «игры», переакцентуации и перетолкования, увы, не замедлили проявиться и в деятельности главного музея страны, где в 2002 году в серии «XX век в Третьяковской галерее» большим тиражом вышла посвящённая Петрову-Водкину книжечка, автор которой, достаточно чуткий искусствовед (ныне заведующая научно-методическим отделом музея), к сожалению, во всей красе продемонстрировала «плоды просвещения» постперестроечных времён.

Казалось бы, высоко ценя творчество мастера, она перевела его в исключительно религиозно-мистический план. При этом, рассматривая «Купание красного коня» как «обобщение иконных прообразов», она (не обращая внимания на пояснения самого художника) с возмущением помянула, что картина «*под прессом коммунистической идеологии*» была

объявлена чуть ли не «предвестницей революции», «кровавой трагедии, разыгравшейся после октябрьских событий 1917 года».

«Петроградская мадонна» была понята автором исключительно как «Заступница Небесная», а в других картинах 1920–1930-х годов обнаружилась «горечь разочарования», «какого-то наваждения, разрушившего гармонию жизненного уклада»: *«И хотя по некоторым выступлениям и заметкам»* Петрова-Водкина *«может показаться, что он нашёл своё место в «новом строе», это впечатление обманчиво...»*

Но эта книга писалась в пору, когда искусство Петрова-Водкина ещё начинало экспозицию XX века. В дальнейшем же его роль и значение постарались ещё более минимизировать. В 2007 году, при обновлении экспозиции (к которому приложил руку и известный нам А. Ерофеев) на первый план было выведено искусство авангарда и эмиграции, а также новейшее «антисоветское и постсоветское» искусство.

Петров-Водкин, характеризуемый в качестве «неоклассицизма», оказался убранным аж в 13-й зал и представлен лишь несколькими работами (в отличие от К. Малевича или М. Ларионова).

В путеводителе же, изданном в 2014 году и составленном уже упоминавшимся нами «убирателем коммунак» К. Светляковым, творчеству Петрова-Водкина отдано чуть не в два раза меньше текста чем «человеку-собаке» Олегу Кулику или «приколистам» Меламеду и Комару. (Такие крупнейшие мастера как П. Кузнецов и В. Фаворский вообще там отсутствуют.)

Причина такой «прохладцы» очевидна — десоветизация живописи (и не только живописи) продолжается. Надо вымарать, придать забвению всё великое, что было создано в советский период.

Но, в отличие от автора упомянутой книжечки, автор данного текста понимает, что творчество Петрова-Водкина, несмотря на все «десоветизаторские» наветы, являет собой ярчай-

ший пример восходящего потока света нарождающегося нового мира. Так, например, картина Петрова-Водкина «1918 год в Петрограде» **«отразила «важнейшие культурные коды советского общества»** (выделено мной — В. П.).

Всё это действительно делает наследие великого человека и художника особенно важным для тех, кто хранит верность этим «кодам», волю к отстаиванию и утверждению человечности.

Владимир Петров

**Размышления
читателей о статьях
газеты**

Почему индивидуалистическое мировоззрение мешает развитию человека?

Отклик на статью «Природа человека и капитализм», опубликованную в №166 от 24 февраля 2016 г., рубрика Война идей

Иероним Босх. Сад Земных Наслаждений
(фрагмент). 1510–1515 гг.

Статья «Природа человека и капитализм» весьма наглядно показала, что капиталистическое общество будет постоянно производить конфликты. И что именно индивидуалистиче-

ское мировоззрение является причиной этих конфликтов. Ведь, действительно, человек-индивидуалист не способен жертвовать своими интересами для решения конфликтов. Но мне лично показалось очень интересным рассмотреть причины такой ситуации. А именно, какие механизмы существуют внутри индивидуалистического мировоззрения, заставляющие человека «желать» конфликтов.

Определённый антагонизм между индивидуализмом и коллективизмом существовал всегда, практически во всех цивилизациях. Такой конфликт складывался, как мне кажется, потому что в преимущественно коллективистских обществах находилась маленькая часть индивидуумов, которая считала влияние или даже «давление» общества отрицательным для их собственного развития. И тем самым они отрицали коллективизм как явление.

Но мне неизвестны аналоги в истории человечества такой индивидуализации общества,

как сегодня на Западе. Понятно, что это есть результат развития по принципам Модерна за последние столетия. Именно такое развитие требовало крайней индивидуализации общества ради экономического роста. И понятно, что при такой индивидуализации человек будет давить других людей ради собственного успеха: человек человеку — волк. Но такого рода аргументы не вызывают понимания у представителей Запада. «Ну и что, что человек будет давить других? Общество-то, в конечном итоге, всё равно развивается», — говорят и будут говорить они. И, мне кажется, если не объяснить, почему именно такая крайняя индивидуализация сильно вредит самому индивидууму, эту проблему не решить. Ведь любая апелляция к коллективу при дискуссии с индивидуалистом бессмысленна. Для него это непонятно в принципе. Следуя такой логике, я начал изучать проблему индивидуализации именно для самого индивидуума.

В своих поисках я наткнулся на очень интерес-

ное сравнение. Крайняя стадия индивидуализации встречается у определённого типа людей — у наркоманов. Наркоманы в принципе не в состоянии создать коллективы, так как единственное, что для них важно — это наркотики. Есть множество случаев, когда наркоманы совершали абсолютно аморальные поступки, чтобы получить доступ к своим наркотикам, например, продажа людей, даже родственников. Но у наркоманов также отсутствует способность к рациональному осмыслению проблемы. У них происходит атрофия префронтальной доли мозга, которая как раз и ответственна за рациональные размышления и выводы, за контроль над своими импульсами и так далее.

Сегодня исследования в неврологии и медицине выявили новые аспекты наркозависимости. Эти исследования говорят, что человек становится зависимым не от какой-то субстанции, а от громадной дозы наслаждения, которое он получает от того или иного наркотика. Такая большая до-

ля наслаждения затмевает всё бывшее бытие человека, и человек понимает на уровне инстинкта, что только этот наркотик способен его приблизить к его цели. Понятно, что это очень глубокое заблуждение, но инстинкты — на то и инстинкты, и борьба против них очень непростая.

Наркозависимость качественно меняет мозг и психику человека, превращая его в социального изгоя и сугубо больного человека. Наркоман больше не в состоянии думать о чем-то, кроме наркотика. Происходит десенсбилизация ко всему вокруг. Ко всему теряется интерес. Зачем учиться? Зачем познавать мир? Зачем развиваться? Такому человеку нужен только наркотик, и всё.

То есть самое страшное в этом заболевании — это то, что оно превращает человека в животное. Происходит полное порабощение человека его животным инстинктом. Конечно, человек от этого становится жутко несчастным. Именно из-за этого практически все наркоманы являют-

ся крайне недовольными своей ситуацией, но исправить они её могут крайне редко. Даже очень сильные индивидуумы редко справляются с такой задачей в одиночку.

И у меня после такого сравнения радикальной индивидуализации при капитализме и индивидуализации наркомана возникает ощущение, что, по сути своей, это одно и то же. Индивидуализация общества при капитализме — это превращение человека в наркомана.

В статье говорится, что жажда обогащения закрывает путь к развитию человека. А что такое жажда обогащения? Не что иное, как большая доза наслаждения, то есть наркотик в нынешнем понимании науки. А если продолжить эту мысль, то получается, что всё, что капитализм предоставляет обществу и человеку — это всё, по сути своей, наркотики. Новые гаджеты, новая одежда, новые машины — это всё есть ни что иное, как новый «шприц» наслаждения для наркомана. Всё это основывается на животных инстинктах и де-

дает человека наркозависимым.

Это, конечно же, уже само по себе страшно. Но с развитием интернета и других технических возможностей качество и количество таких «шприцев» достигло небывалых высот. Так, по данным многих исследований, порнография и компьютерные игры, которые доступны бесплатно и практически в неограниченных количествах, при постоянном «приёме внутрь» дают такие же последствия, как героин. Сравнивали скан мозга героинового наркомана и «наркомана» с интернет-зависимостью — разница практически отсутствует. А потребление порнографии в западном обществе достигло такого охвата, что, когда группа учёных в 2009 году захотела исследовать влияние порнографии на психику человека, они просто не смогли найти контрольную группу (то есть тех, кто не увлекался порнографией). Есть другие исследования, которые предполагают, что примерно треть всего интернета насыщена порнографическим контентом. Боль-

ше 30%! Это при громадном размере всего интернета. При таком лёгком, бесплатном доступе можно представить, насколько катастрофичны последствия для здоровья общества.

Это очень серьёзное заболевание. Такое больное общество нужно лечить. И не допускать заболевания у себя.

В заключение я хотел бы сказать, у меня складывается такое ощущение, что механизм «наркотизации» человека и есть то самое отчуждение человека от его родовой сущности по Марксу. И мне кажется, что только глубоко осознав всю суть данного заболевания, можно действительно убедить себя и потом уже и западного человека во вреде той радикальной индивидуализации, которая является принципом существования капитализма. Исследования на эту тему уже есть, наука, изучающая данное явление, достигла высокого уровня. Но только все боятся делать политические выводы из этих исследований. Ведь если действительно поставить массо-

вый диагноз западному обществу — то необходимо будет предоставить лечение. А какое лечение может быть при подобной «наркозависимости»? Только «коллективизация». Восстановление у наркозависимого его связи с коллективом, предоставление ему чувства силы коллектива, веры коллектива во внутренние силы больного. Очень редки случаи, когда наркозависимый смог сам справиться со своей зависимостью, когда она уже достигла стадии физического изменения мозга. Без осознания того, что за человеком стоит что-то большее, что-то мощное, человеку не победить свои инстинкты и это заболевание.

Наркозависимость крайне тяжело лечится. Но, как говорится, диагноз проблемы — это уже половина решения. Я очень надеюсь, что эта болезнь будет с корнем вырвана из моей Родины и мира в целом.

Судьба мифа об Орфее и Эвридике как судьба человечества

Отклик на статью «О коммунизме и марксизме — 39», опубликованную в №171 от 30 марта 2016 г., рубрика Колонка главного редактора

Часто сталкиваюсь с позицией, когда мой собеседник, соглашаясь в том, что нужно читать и изучать древнейшие литературные источники, при этом кривит душой и втайне от меня уверен в необязательности подобного чтения и изуче-

ния. А действительно, зачем изучать, например, древнегреческие мифы об Орфее? Я убеждена, что дошедшие до нас древние мифологические тексты явно обладают какой-то особой энергией, так как не растеряли за тысячелетия своей притягательности и силы воздействия. Авторам всех эпох было заманчиво использовать тексты древних мифов в своём творчестве. Что, по сути, транслирует миф об Орфее и Эвридике? Он рассказывает о мечте человечества. О готовности бросить перчатку «богам», поспорить с судьбой. И в итоге обрести бессмертие для человека.

На мифологический сюжет об Орфее и его супруге Эвридике написано много музыкальных произведений. В XVIII веке эту тему разрабатывал композитор Кристоф Глюк. Поставленная им в 1762 году опера «Орфей и Эвридика» дала старт т. н. «оперной реформе Глюка», в которой композитор гармонично соединил итальянскую оперу с французской лирической трагедией. До «реформы» героические сюжеты с их обязательной

счастливой концовкой и с упором на мастерство певцов трактовались в развлекательном ключе, что совершенно заслоняло содержание. Глюк сумел мифологической опере вернуть её утраченные составляющие: героический стиль, восхищение идеалами верности, долга, жертвенности. И, на мой взгляд, окрепшее к концу XVIII века новое музыкальное направление в какой-то мере поспособствовало крупнейшему потрясению эпохи — Великой французской революции 1789 года.

Главный вопрос, поставленный в опере Глюка «Орфей и Эвридика», — вопрос жизни и смерти, а не любовных взаимоотношений. Любовь подвергается испытанию смертью. Орфей с помощью своего искусства пения добился цели, спас возлюбленную. Не как обыкновенный влюблённый он этого добился, а как талантливый певец. Опера наполнена глубоким идейным смыслом. Трагедия согрета мыслью о волшебной силе искусства, о беззаветной верности, любви, готовно-

сти ответить на любой вызов и, в конечном счёте, наполнена верой в безграничные возможности человека.

Просветительские, гуманистические идеи, итогом которых стала реформа Глюка, заключались в том, чтобы воспитывать зрителя, а не развлекать. А в середине 70-х годов, в преддверии перестройки — гигантского социального потрясения в нашей стране — была осуществлена дерзкая обратная операция. В 1975 году композитор Александр Журбин и либреттист Юрий Димитрин поставили одноимённую рок-оперу — первую советскую рок-оперу. Новая опера опять поменяла местами полюса: зрителя снова стали развлекать, отняв у искусства задачу воспитания. *«Обладая природным оптимизмом, гедонистической энергетикой, он [композитор Журбин] шёл от «желания развлекать людей», а не от директивных установок на воспитание советского патриотизма, пролетарского интернационализма и т. д.»*, — прочитала я

на сайте самого композитора. Не случайно значимость постановки стали измерять цифрами — 10 лет подряд одним составом, более двух тысяч представлений и два миллиона пластинок — и в силу этого окрестили постановку *«самой успешной оперой в истории человечества»*. Идейный смысл был полностью изъят из произведения. Вера в беспредельные возможности человека была намертво выхолощена из спектакля. Для развлечения эти понятия были избыточными. Тот, кто прекрасно знал первоисточник, сумел сварить из него ядовитое пойло и целенаправленно травил им устранившихся от изучения древних текстов.

Надо заметить, что авторы частенько «подправляют» источник, на основе которого творят. Например, Глюк переписал концовку мифа об Орфее. Композитор посчитал, что жизнь должна победить смерть: умершая Эвридика в его опере воскресает даже после «смертельного» взгляда своего мужа. В советской рок-опере ав-

торы решили разобраться с сюжетом кардинально. Авторы поместили героев в современность — в XX век. Орфей предстаёт в образе эстрадной звезды. Трудный путь в поисках и возвращении Эвридики заменён участием Орфея в песенном конкурсе, для которого уже не требуются героизм и жертвенность. Да, в современной постановке Орфей тоже потерял Эвридику. Но потерял её по собственному желанию. Мечту о победе над смертью заменила мечта о славе. *«И победителя ждёт «Золотая лира»!* Эгоистический Орфей подводит к духовной смерти и себя, и Эвридику, и своё творческое начало. Ад и рай в его системе координат — это одно и то же. Воскресительная сила искусства подменена смертной болезнью.

Конкурс певцов, где принимает участие Орфей, мне напомнил аналогичное соревнование в опере Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры». (Мейстерзингер в переводе с немецкого означает мастер пения.) Казалось бы, чего

тут необычного! Почти все творческие работы наполнены отсылками к другим произведениям. Но в вагнеровской оперной постановке (которую композитор запретил изменять!) весьма провокационными являются последние мгновения спектакля. Речь идёт о зиговании и возгласе «Хайль!». По замыслу Вагнера так заканчивается последняя мизансцена оперы, показывающая награждение победителя песенного турнира. В XX веке Гитлер перенял жест для партийного приветствия членов своей партии именно из этой оперы Рихарда Вагнера. Это сравнение, эту переключку опер я понимаю как предостережение: таким может стать современный, влюблённый в себя Орфей. Орфей, воплощённый в образе Гитлера.

Если мы перепоручаем кому-то «копаться в старине», то потом не надо удивляться, что этот «кто-то» нас обманет. Однажды мы уже доверили изучение марксизма «специалистам». В результате вместо живого учения сегодня имеем

мёртвые догмы «железобетонной» марксистско-ленинской теории, которые похоронили под собой великую страну. Мы просто обязаны учиться и постигать, чтобы нас в очередной раз не ввергли в пучину хаоса, не столкнули в подземелье Аида всё человечество. У Андрея Платонова один из героев говорит про лежащего в Мавзолее Ленина, что «тот лежит, воскреснуть хочет». Я верю, что развивающееся человечество, как Орфей, в итоге выведет из подземного царства Аида всех людей, всех Эвридик. Эта мечта человечества отражена в мифе для того, чтобы не забывали про неё, чтобы помнили. И когда-нибудь претворили в жизнь, согласно словам советской песни: *«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!»* Но для этого надо «сказку» хотя бы прочитывать!

Майя Авдеева

Бесконечное упрощение

Отклик на статью «Ограничения технологизма», опубликованную в №167 от 2 марта 2016 г., рубрика Классическая война

Как-то я увидел рекламу следующего характера: «Управляйте своим чайником через смартфон!» Данная возможность меня сильно озадачила, ведь у чайника:

- всего одна функция — кипячение воды;
- для активации этой функции необходимо одно простейшее действие, а именно — нажатие на кнопку;

- всё дальнейшее происходит в автоматическом режиме;
- для того чтобы воспользоваться чайником, к нему в любом случае придётся подойти, чтобы налить воды.

Чем же управлять через смартфон? Нажатием одной единственной кнопки?

Позже я обнаружил, что данный вопрос окружающих особо не тревожит. Ведь сейчас очень много предметов, которые подключаются к смартфонам: мультиварки, стиральные машинки, автомобили. Просто чайник — логическое продолжение ассоциативного ряда.

Но для меня вопрос состоял не в том, насколько необходима функция дистанционного включения чайника в быту. А в том, насколько необходимо в принципе автоматизировать данный простейший процесс?

Что есть автоматизация? Обычно специалисты говорят об автоматизации технологических

процессов, то есть о применении на крупных производствах роботов. По-простому, автоматизация — это замена человеческого труда роботизированным. В результате человек освобождается от необходимости совершать сложную или опасную работу, вместо человека эту работу выполняет робот.

Но всегда ли оправдано такое упрощение? Когда мы говорим о крупных производственных циклах или, в частности, о военном деле, то автоматизация не только освобождает человеческий ресурс, но ещё и позволяет добиться высоких показателей в точности, скорости, дальности работы военной техники.

Поставив знак равенства между термином «автоматизация» и «технологизация», я задался вопросом — чего позволяет такая технологизация добиться, если мы имеем дело с простейшими процессами?

С одной стороны, можно было бы всё списать на маркетинговый ход. Представляем высокую

технологии как выдающуюся особенность продукции (например, чайника) — продажи начинают расти вверх. Все довольны.

Но разве этим всё ограничивается?

Я несколько лет занимался IT-технологиями. Как происходит создание нового проекта в IT-индустрии? Первое — вычлняем из нашей жизни какой-нибудь процесс (например, поиск ресторана или запись мысли на бумаге). Второе — технологизируем этот процесс. Вот, если вкратце, основной метод создания любого IT-проекта.

Неудивительно, что такая тенденция обязательно порождает чайники с дистанционным управлением и унитазаы с управлением через смартфон.

Разобравшись с тенденцией и отметив, что она имеется, зададимся вопросом — какова всё-таки конечная цель этой бесконечной цепочки упрощения? Ведь невозможно бесконечно нечто упрощать.

Если цель и имеется, то она сводится к оконча-

тельному освобождению человека от каких-либо обусловленностей. За человека всё будет делать машина, робот. Думать, писать, работать, есть... Думаете, это фантастика?

В последнее время очень серьёзное развитие получила технология так называемой «виртуальной реальности». Человек надевает очки и — вуаля! — перед его глазами не настоящий мир, а придуманный. А все его движения работают уже не в реальном, а в виртуальном мире. Пока проще всего обмануть зрительные чувства человека, надев специальные очки. Но обман остальных чувств (осознание, обоняние, чувство равновесия и т. д.) тоже возможен, и новые высокие технологии уже сегодня пытаются решить эту задачу.

«Ну и что, подумаешь — новая игрушка для геймеров!» — скажут некоторые. С одной стороны, они правы. А с другой — когда есть такая возможность оторвать человека от реальности, разве смогут от этого отказаться сильные мира се-

го в условиях стремительно развивающихся пост-модернистских концептов?

Современное общество пытаются оторвать от мечты, от идеалов, от истории, от всего, что связывает его с реальным миром. И подменяют всё это мифом о том, что человек — всего лишь потребительское животное, которое должно удовлетворять свои потребности.

В таком обществе свобода понимается, по Фромму, как «свобода от», то есть освобождение от всего, что как-то связывает человека. «Свобода для» таким обществом не усваивается. В результате идеалом не может не стать полное растворение человека в виртуальности, где всякое ограничение человека будет убрано.

Правда, как писал Сартр, *«эта свобода слегка напоминает смерть»*.

Денис Романов